

УДК 316:39(476)

GENS UNA SUMUS – МЫ ВСЕ ОДНА СЕМЬЯ: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ЭТНОГЕНЕЗА БЕЛОРУСОВ

С. А. ШАВЕЛЬ¹⁾

¹⁾Институт социологии Национальной академии наук Беларуси,
ул. Сурганова, 1, корп. 2, 220072, г. Минск, Беларусь

Проведен социологический анализ возникновения белорусского этноса, формирования на его основе белорусского народа и образования суверенного национального государства. Рассматривается полиэтническая идентичность и консолидация белорусского народа в контексте исторической памяти.

Ключевые слова: этнос; этногенез; идентичность; этнократия; полиэтничность; народ; историческая память.

GENS UNA SUMUS – WE ALL ARE A ONE WHOLE FAMILY: A SOCIOLOGICAL ANALYSIS OF ETHNOGENESIS OF BELARUSIANS

S. A. SHAVEL^a

^aInstitute of Sociology, National Academy of Sciences of Belarus,
1 Surhanava Street, 2 building, Minsk 220072, Belarus

The article explains through sociological analysis how Belarusian ethnic group was emerged and was transformed into Belarusian people as well as forming Belarusian sovereign national state. Such things as multi-ethnic identity and consolidation of the Belarusian people are considered in the context of historical memory.

Keywords: ethnos; ethnogenesis; identity; ethnocracy; multi-ethnicity; people; historical memory.

Образец цитирования:

Шавель С.А. *Gens una sumus – мы все одна семья: социологический анализ этногенеза белорусов. Журнал Белорусского государственного университета. Социология.* 2019;4:48–61.

For citation:

Shavel SA. *Gens una sumus – we all are a one whole family: a sociological analysis of ethnogenesis of Belarusians. Journal of the Belarusian State University. Sociology.* 2019; 4:48–61. Russian.

Автор:

Сергей Александрович Шавель – доктор социологических наук, профессор; заведующий отделом социальной теории и методологии.

Author:

Sergey A. Shavel, doctor of science (sociology), full professor; head of the department of social theory and methodology.
d-v-nazarova@yandex.by

Другие придут за другими,
И только для перевода
Останется странное имя – Народа.
Семен Липкин

Введение

После распада Советского Союза по постсоветскому пространству прокатилась «лихорадка этнократизма». Первое, что стремилась немедленно осуществить местная власть суверенных государств, вновь образованных на основе прежних союзных республик, – это любой ценой вытеснить из страны всех представителей иноязычных этносов, особенно из органов администрации, образования, идеологии и духовной жизни, вооруженных сил и силовых ведомств, и заменить их автохтонами, не считаясь даже с уровнем компетентности последних. В большинстве стран был сразу же принят новый закон о языке, в котором государственным языком признавался только язык титульного этноса (нации), несмотря даже на то, что во многих областях – здравоохранении, науке, многих производственных технологиях, высшем образовании, IT и др. – этот язык не имел в то время достаточной лингвистической базы. Сегодня мы видим, какие проблемы вызвала подобная ориентация. Особенно отчетливо это прослеживается на примере современной Украины. Все ее президенты – Леонид Кравчук, Леонид Кучма, Виктор Ющенко (особенно), Виктор Янукович (в меньшей степени, за что и был свергнут националистами), Петр Порошенко и теперь Владимир Зеленский (скорее вынужденно, чем по убеждению) – одержимы – навязчивой мыслью (*idée fixe*) создать в Украине моноэтническое общество. Все неукраинские этносы, проживающие на территории страны, – русские, белорусы, венгры, румыны, поляки, евреи – должны говорить, писать, учиться, вести бизнес, молиться, петь песни только на украинском языке, т. е. ассимилироваться, стать украинцами. При этом ни сами президенты, ни послушный им парламент (Рада), ни подчиненные органы власти и управления как будто не замечают, что подавляющее большинство стран мира живет по-другому, исповедуя толерантность, равноправие всех этносов, консолидируя их в единую нацию, народ своей страны. Не учит их и опыт нацистской Германии, пытавшейся создать арийский моноэтнос – высшую расу, сверхлюдей, что закончилось трагедией.

Беларусь, к счастью, избежала подобных пандемий. Так, на референдуме 1995 г. народ высказался за введение в Беларуси двух государственных языков – белорусского и русского. И, конечно, все проживающие в стране этнические группы, диаспоры имеют право широко использовать свой родной язык в частной жизни и межличностном общении, в повседневном обиходе. Все это и создало необхо-

димые условия и фундамент развития белорусского общества как полиэтнического, многонационального. Слова «белорус», «белорусскость» употребляются в двух значениях: 1) для указания этнической идентичности по происхождению, выбираемой респондентами при переписи населения или социологических опросах; 2) для обозначения гражданской принадлежности к белорусскому народу, т. е. для именования всех граждан, проживающих в стране, всего населения, за исключением апатридов (лиц без гражданства), иностранцев, беженцев.

Термин «народ» употребляется в социологии для обозначения той области социальной реальности, которая находится между этносом с его простой и замкнутой на себя структурой (койнема, этноцентрум) и современным обществом, где преобладает членение по национально-государственному признаку. Народ является первой производной от этноса. Это значит, что исходной структурой общества, связанной единством языка, обычаев и веры, общим происхождением (родословной), является семья, род, племя. По словам А. Г. Дугина, особенность народа заключается в том, что он «обязательно состоит из двух или более этносов, т. е. является полиэтнической структурой» [1, с. 252]. (Хотелось бы, чтобы эта мысль дошла до украинских и других мечтателей о моноэтноте, делающих ставку на этнократическое общество и государство.)

Народ отличается от этноса по ряду признаков, важнейшими из которых являются целостность и историчность. Народ возникает путем смешения ряда простых этносов при переходе от архаического общества к традиционному и далее – к современному (индустриальному, национально-государственному) и постсовременному (постиндустриальному, информационному, социетальному) обществу. Целостность представлена этносу как органическая данность, она обеспечивается естественным расширенным воспроизводством населения путем рождения. Это архаическое общество с его магией и естественными религиями, где сакральное дано изначально (*arche* – начало) и не подвергается сомнению; с его собирательством и охотой. Для народа такая целостность (интегральность) не может быть данностью, это только цель, которую можно достичь путем сплочения, консолидации тех этносов, из которых рождается народ. М. В. Довнар-Запольский, характеризуя чистоту славянского типа белорусов, замечает, что в украинцах «очень много примесей тюркской крови, остатков печенегов, черных клобуков, торков, половцев и, наконец,

татар. Здесь впоследствии в массе развелись польские колонизации» [2, с. 15].

В этносоциологии народ определяется как *этнос*, *вступивший в историю* [1, с. 252]. Действительно, простой архаичный этнос не знает трехмодальности времени, поэтому у него не может быть каких-либо воспоминаний о прошлом или представлений о будущем; его «настоящее» – это только течение, длительность жизненных процессов. Народ обретает историческую память и видит в ней главное средство для достижения своей сверхценной цели – стать как этнос, т. е. обрести целостность, интегральность себя и своего социума, которые были свойственны этносу.

Важным методологическим императивом исторической социологии можно назвать тезис о том, что недостаточно просто собирать «улики» о прошедшей жизни (археологические артефакты, документы и пр.) – необходима рецепция (восприятие) и оценка прошлого с точки зрения той реальности, которая существует и переживается в настоящее время. Онтология современной Беларуси на глазах у всех, она очевидна. Беларусь стала суверенной, независимой страной, занявшей достойное место в мировом сообществе. Она имеет полное право гордиться своим заметным вкладом в победоносную Великую Отечественную войну («Это радость со слезами на глазах»), своим упорством, настойчивостью и бесконечной напряженностью в преодолении последствий катастрофы на ЧАЭС, успешным строительством первой БелАЭС, значительными достижениями в сельском хозяйстве, промышленности, науке и культуре, образовании; своей вызывающей у многих зависть стабильностью; общественным порядком и безопасностью, вниманием к сохранению памятников культуры, благоустройству мест проживания, развитию инфраструктуры, строительства; своими достижениями в области IT-технологий, информатизации, цифровизации, здравоохранения; своим курсом на

социальную ориентированность, постепенное укрепление социальной защиты населения, повышение пенсионного обеспечения и социальных гарантий в целом, рост заработной платы и безопасности труда, увеличение числа детских дошкольных учреждений и многое другое – при учете всех присутствующих проблем и поисков их решения.

Если говорить о рецепции прошлого – от возникновения этноса, превратившегося позже в белорусский народ, до современного состояния, – то на этом многовековом историческом пути было достаточно экзогенных (внешних) факторов (войны, революции и др.), в том числе и таких не зависевших от желания и усилий народа, как, например, Брестский мир, по которому больше половины территории Беларуси в то время было отдано Польше. (Официально западнобелорусские земли были аннексированы буржуазной Польшей по условиям Рижского мирного договора, но именно Брестский мир стал в новейшей истории Европы первым примером захвата чужих территорий со стороны Германии и вынужденного согласия с этим молодого советского государства в целях сохранения своего существования.) Были и собственные ошибки, наиболее заметные из них две: инкорпорация Великого княжества Литовского в состав Речи Посполитой и поддержка частью народа униатства. Конечно, они были во многом вынужденные, но их влияние оказалось долговременным и негативным для белорусской ментальности.

Но главное, что предки при самых сложных и неблагоприятных условиях сохранили и пронесли через века свои этнические признаки: веру в общность происхождения, общий язык и религию, обычаи и традиции. Благодаря этому белорусы избежали ассимиляции, сохранили «душу живу», гордое имя Белая Русь и имеют сегодня суверенное национальное государство, передают это бесценное достояние новым поколениям.

Формирование белорусского этноса, белорусского народа и суверенного национального государства

История свидетельствует о том, что точное определение времени возникновения любого этноса, как ныне существующего, так и ушедшего с демографического поля народонаселения планеты Земля, – задача далеко не простая. Это связано с тем, что, во-первых, этнос – весьма сложный организм, обладающий такими качествами, как способность к расширенному самовоспроизводству, репликации (аутодублирование, саморепродукция), голоморфизму (восстановление функциональной целостности за счет внутренних ресурсов) и др. Корневая система этноса, его генезис находятся обычно далеко в глубинах времени и, как правило, недоступны индивидуальной мнемонике, т. е. искусству запоминания. Так, обычный человек знает и помнит свою родословную до четвертого-пятого коле-

на; редко кто – до седьмого; этническая память сохраняется только о некоторых особо выдающихся людях – королях, царях, немногих из их приближенных, вошедших в историю, а также о великих ученых, художниках, полководцах, музыкантах, но лишь благодаря постоянному искусственному тиражированию их жизнеописаний и результатов деятельности.

Во-вторых, восстановлению реальных истоков происхождения этносов серьезно мешает отсутствие достоверных письменных и других материальных источников этого процесса. Справедливо отмечают исследователи, что одной из причин существования в нашей истории (особенно первого периода) белых пятен «является недостаток или полное отсутствие документальных источников по той или иной проб-

леме. Это дает возможность многим «знатокам» истории спекулировать на этих недостатках» [3, с. 3], т. е. произвольно и часто тенденциозно интерпретировать факты и события. Важнейшим письменным источником по первоначальной истории восточных славян является Начальная летопись, ранее называемая Несторова летопись. На нее постоянно ссылался М. В. Довнар-Запольский в своей «Истории Белоруссии» и многие другие отечественные историки.

Заметим, что блестящий анализ этой летописи представил известный русский историк В. О. Ключевский (1841–1911) в своем знаменитом труде «Курс русской истории» (в пятой и шестой лекциях). Он показал, что наиболее вероятным составителем текстов Начальной летописи был игумен Сильвестр. Эти тексты представляли собой не авторскую летопись, как у Нестора, а свод источников (своего рода хрестоматию) по истории первого периода (от древних времен до конца XII в.) восточных славян. Ключевский отмечает: «Нестор был составителем древнейшей киевской летописи, не дошедшей до нас в подлинном (аутентичном. – С. III.) виде, а Сильвестр – составителем начального летописного свода, который не есть древнейшая киевская летопись; он был редактором вошедших в состав свода устных народных преданий и письменных повествований, в том числе и самой Несторовой летописи» [4, с. 78]. Но, к сожалению, в Начальной летописи крайне мало сведений о белорусской земле того времени, о генеалогии проживавших здесь славянских племен, о том, как они объединялись в один этнос, отличавшийся от других ближних и дальних народов. К тому же в тот первый период и на территории современной Беларуси летописное дело практически не развивалось, возможно, потому что с IX в. эти земли входили в состав единого государства – Киевской Руси, которое вместе с церковью и приняло на себя обязательства по сохранению исторической памяти.

В-третьих, любой этнос, даже самый моноэтнический, представляет собой открытую и подвижную систему. В отличие, например, от национальности, которой государство, можно сказать, наделяет своих граждан, в выбор этнической идентичности оно вмешаться не может. Этот процесс осуществляется или естественно, когда родители включают ребенка в свой род (этнос), или в зрелом возрасте – добровольно. Так, Б. Л. Пастернак, отказываясь от получения Нобелевской премии из-за опасения высылки на Запад, писал о том, что он связан с Россией рождением, жизнью, работой и не мыслит своей судьбы отдельно или вне ее. Как видим, автор однозначно идентифицирует себя с русским этносом, при этом не меняя своей национальности или конфессии (что не имело значения в атеистическом обществе).

Рассмотрим теперь этимологию и содержание понятия «этнос». Это слово греческого происхожде-

ния (*ethnos*). По классическому определению, введенному в научный оборот русским этнологом С. М. Широкогоровым (1887–1939), этнос есть группа (общность) людей, отличающаяся от других групп тремя атрибутивными признаками:

- 1) признанием (верой) единства происхождения;
- 2) обладанием собственным культурным комплексом, т. е. обычаями, укладом жизни, хранимыми и освещенными традициями как основой высших ее ценностей;
- 3) общностью языка [1, с. 8].

Атрибутивность этих признаков состоит в том, что в своей совокупности они раскрывают сущность феномена этничности. Но они не раз и навсегда заданы, неизменны. Их диалектичность проявляется в развитии и взаимообогащении. Прежде всего исторически развивается культурный комплекс: возникают новые обычаи, происходит корректировка существующего уклада жизни, расширяется традиционное поле регуляции обычаями поведения и мышления людей; в связи с урбанизацией, внедрением инновационных технологий во всех сферах обновляются уклады, которые сакрализуются и включаются в общий культурный багаж этноса; соответственно, переосмысливается и фундаментальная система его ценностей. Адаптируясь к новым условиям, постоянно и неуклонно совершенствуется язык. Что касается «единства происхождения», то еще С. М. Широкогоров не настаивал на онтологичности этнической генеалогии, он, как мы видели, добавил в этот признак некоторые субъективные диспозиции – представления, признания, в конечном счете веру в то, что корни родословной находятся именно в этом этносе и ни в каком другом. Эта оговорка сделана потому, что людям трудно хранить в индивидуальной памяти свою родословную (за исключением генеалогического древа князей, царей, выдающихся личностей, сведения о которых отражены в летописях и других источниках), в то время как этническая идентичность есть, можно сказать, данность для каждого отдельного человека. Неслучайно у большинства народов рассказ об их изначальном происхождении существует в форме легенды, мифа или хотя бы метафоры, т. е. как образное иносказание. У греков, например, каждый полис имел свою мифическую легенду о корнях рода, как правило восходящих к тем или иным богам. Знаменитый философ Платон считал себя потомком бога Посейдона. Сказание про род римлян начинается с Ромула и Рема, якобы вскормленных волчицей; тибетцы считают, что их предками были красные обезьяны и т. д.

Если обратиться к текстам Библии, то очевидно, что ее первая книга – Бытие – представляет собой попытку создания генеалогии человеческого рода. В ней Адам Кадмон есть первочеловек, родоначальник человечества, созданный Творцом по образу и подобию Божьему: «И создал Господь Бог человека из праха земного, и вдунул ему в лицо

его дыхание жизни, и стал человек душою живою» (Быт., 2:7). Женщину Бог создал из ребра Адама, который предварительно был погружен в «крепкий сон» (видимо, наркоз): «И нарек Адам имя жене своей: Ева (жизнь), ибо она стала матерью всех живущих» (Быт., 3:20).

Обращаясь к приведенным в Библии (Ветхом и Новом Завете) генеалогическим построениям, важно учесть, что, во-первых, это не описания истории государства, которое находилось тогда в фазе становления, а своеобразная хроника этноса, т. е. народа, который первым практически осуществил введение монотеизма, в то время как в мире тотально господствовали язычество (многобожие) или архаические «естественные религии». Во-вторых, в этой попытке отражается этническая последовательность и смена поколений, в то время как авторы последующих летописей, хроник, биографий и иных памятников письменности европейских и азиатских народов (в том числе греков и римлян), выбрали (добровольно или принудительно) этатистскую ориентацию, поставив во главу угла роль и судьбу своего государства, его войны, распри и конфликты, захваты и междоусобицы, революции и перевороты, измены и покушения, достижения и кризисы и, конечно, тех великих личностей, полководцев и героев, которые прославили свое государство. В-третьих, и это самое главное, проведение этнических исследований, составление генеалогии высшей целью (может быть, и не всегда осознанной) имеет сохранение исторической памяти и передачу ее в возможно более достоверной форме новым, подрастающим поколениям. И в том этническая генеалогия Библии (как бы к ней не относились) продемонстрировала великий и достойный пример всем странам и народам, непрекращаемый даже для воинствующих атеистов.

Говоря об истоках белорусского этноса, следует отметить гипотезу доктора исторических наук, профессора И. А. Юхо. В одном из интервью он отмечал: «Я думаю, белорусская народность (т. е. этнос. – С. Ш.) и сложилась в то время (в начале нашей эры. – С. Ш.) так же, как и еврейская, – на основе религии и территории. Каждое общество держится на определенной религии – христианской, марксистской, а наше – на религии крестов (под крестами автор имеет в виду жрецов. – С. Ш.), и это несерьезно, когда пишут, что белорусская народность сложилась в XIV–XV вв. или даже в начале христианизации. Уже в IV–V вв. здесь было хорошо организованное государство» [5]. Далее И. А. Юхо, опираясь на такое известное аристотелевское определение человека, как *zoon politikon* (существо политическое), утверждает, что люди всегда жили в государствах:

«...не в государстве может жить только животное или Бог», – и никаких племен они не знали: «Племена – это сказка Библии, позже признанная марксистской теорией» [5].

Заметим, что на недавней встрече Президента Республики Беларусь с общественностью Игорь Марзалюк – председатель Постоянной комиссии по образованию, культуре и науке Палаты представителей Национального собрания Республики Беларусь, доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент НАН Беларуси – спросил, не должна ли сегодня Беларусь отмечать свое тысячелетие, на что Президент ответил, что для этого нужны точные, неопровержимые научные доказательства¹. С этой точки зрения аргументы И. А. Юхо пока сомнительны. Так, мысль о том, что общества (цивилизации) базируются на религии и территории, высказана английским историком Арнольдом Тойнби (1889–1975). Он также провел типологию обществ по критерию религии. Здесь же возникают очевидные вопросы к И. А. Юхо, например: «Что это за феномен “крестовая религия”?»; «Как она связана с естественными верованиями и последующими формами религиозности, тем же христианством?»; «Как влияет на поведение, чему учит?». Слова Аристотеля о том, что человек от природы есть существо политическое (*zoon politikon*), отвергнуты, и сегодня это определение переводят как «общественное существо». Поэтому утверждение, что люди изначально всегда жили в государстве, звучит странно для историка. Обратимся, например, к дневникам классика мировой антропологии и этнографии, великого русского путешественника Н. Н. Миклухо-Маклая, в которых описаны его наблюдения за жизнью, бытом и обычаями папуасов Новой Гвинеи. У папуасов того времени, в 1870-х гг., нет даже намеков на государственные органы, нет ни налогов, ни суда с его законами, ни паспортного режима, ни полиции, ни таможни, в деревнях нет даже старосты. Есть только местные авторитеты и властное начало в форме этнопатриархата общественного мнения, которое, как отмечал Ф. Энгельс, уже все отрегулировало. Жившие там люди были по-своему счастливы, им и в голову не приходило, что можно жить иначе, по-другому. В своем предисловии к дневникам исследователя «Тамо-Рус, человек из России» Л. Чуковская писала: «Сегодня таких первобытных (архаичных, по западной терминологии. – С. Ш.) племен почти не осталось в мире, а с ними вместе исчезает возможность наблюдать раннюю стадию человеческого общества, через которую когда-то прошли все народы» (перевод наш. – С. Ш.) [6, с. 6]. Только спустя 100 лет после Н. Н. Миклухо-Маклая (в 1970-х гг.) папуасы создали собственное незави-

¹Лукашенко прокомментировал возможность введения Дня белорусской государственности [Электронный ресурс] // ОНТ. Общенациональное телевидение. URL: <https://ont.by/news/lukashenko-belorusy-dolzny-okonchatelno-osoznat-svoyo-natsionalnoe-edinstvo> (дата обращения: 19.04.2019).

симое государство Папуа – Новая Гвинея, занявшее примерно одну пятую часть острова (462,8 тыс. км²), с населением около 5 млн человек. Советские этнографы в те же годы посетили места, где жил и работал ученый, и провели новые исследования. Они, в частности, установили, что, «изучая социальную организацию папуасов, Миклухо-Маклай не добрался до ее середины – родовых экзогамных ячеек. <...> Они выявили в современном Бонгу (деревня, которую изучал Н. Н. Миклухо-Маклай. – С. III.) так называемые вемуны – экзогамные коллективы (внутри которых браки не совершаются. – С. III.), связь членов которых зиждется отчасти на кровном родстве, отчасти на родстве по браку и во многом – на совместном труде и коллективной собственности на землю, на орудия труда, лодки и т. д.» [7, с. 249].

Понятно, что экзогамия вводилась для табуирования, т. е. запрета инцеста (кровосмешения), а сохраняющаяся до сих пор коллективная собственность дала основания К. Марксу назвать эту стадию в развитии человечества первобытным коммунизмом. С точки зрения этносоциологии папуасную вемуна можно, по-видимому, отнести к одному из вариантов койнемы (от греч. *koinon* – общее, *koinonia* – сообщество) как «неделимого начала, которое лежит в основе общества, так же как мифема – в основе мифа, а сема – в основе семантики» [1, с. 16]. Исходя из известного этнологического ряда *семья – род – община – племя – союз племен – государство*, можно утверждать, что, минуя племенную стадию, государство возникнуть не может в естественном саморазвитии той или иной общности. Чтобы возникло искусственное, внеэтническое государство, необходимо было сильное влияние некоторых экзогенных (внешних) факторов. Одним из исторических примеров образования такого государства являются США. Их началом считается прибытие в Массачусетс в 1620 г. сотни пилигримов (отцов-основателей). Это были кальвинисты-пуритане, бежавшие от антипротестантских репрессий, царивших в то время в Англии. Вслед за ними по этому же пути двинулись переселенцы из многих стран Европы, представители самых разных этносов. Первоначально они сближались и объединялись друг с другом вовсе не по этническим признакам – общности происхождения, обычаев, языка, а главным образом по вероисповеданию, единству веры; позже необходимость сплочения определялась вооруженной борьбой с метрополией. Неслучайно, по данным Бюро переписи США, отвечая на вопрос о национальности предков, 51,6 млн американцев назвали немцев, 41,7 млн – ирландцев, 40,0 млн – англичан, 16,0 млн – африканцев, 8,4 млн – поляков, 3,5 млн – русских, 0,525 млн – украинцев и т. д. (всего более 40 национальностей). Н. Смелзер отмечал: «Таблица свидетельствует о том, что американцы представляют собой многоязычную нацию. И хотя некоторые группы выходцев из Северо-

Западной Европы (немцы, ирландцы, англичане) очень многочисленны, ни одна из них не может считать себя преобладающей» [8, с. 305]. Соответственно, распространенный ранее в США термин «белый англосаксонский протестант – БАП» обозначает не этнос, а скорее клан, т. е. сплоченную группу единомышленников, претендовавшую на доминирование в обществе.

С представлением И. А. Юхо о том, что «племена – это придумка Библии», трудно согласиться. Во-первых, у библейского народа долго, по сравнению с его соседями – Египтом, Вавилоном, Сирией и др., – сохранялся племенной строй и, как считают историки религии, такие известные личности, как Авраам, Моисей, Давид, были вначале племенными старейшинами или вождями. Следовательно, термин «племя» был широко распространен и употребим в повседневном разговорном языке, а не придуман авторами текстов Библии. Во-вторых, термин «племя» (от лат. *tribus*) давно вошел в научный оборот антропологии, этнографии, этносоциологии и других наук: в немецком языке – *Der Stamm*, английском – *Triba*, французском – *Tribu* и др. Конечно, племя имело «властное начало», как отмечает М. В. Довнар-Запольский: «Летописец (Начальной летописи. – С. III.) знает, что каждое племя имело свое княжение, т. е. представляло собою отдельный народец» [2, с. 22] (имеется в виду этнос). Иногда эта власть была уже достаточно сильной, например, в условиях трайбализма (замкнутый этнос накануне превращения в нацию). Но функционально она еще не оформилась в специальный институт государства со всеми его службами. Поэтому и этнос племени был только «народцем», но не народом и нацией, возникающими в государстве. В Библии, действительно, выделяется одно из племен («колено Иуды») как избранное Богом. Думается, правильно толковать ситуацию избрания Богом одного племени следует в контексте борьбы за монотеизм, т. е. «избранность» здесь не имеет ценностного смысла, это скорее «вероятность выбора». После образования единого государства царь Иосия в 621 г. до н. э. отменил все культы племенных богов, кроме Бога Яхве. Так идея единобожия, возникшая как «Один Бог для одного племени», канонизировалась в тезис «Один Бог для одной нации».

Сомнителен также упрек И. А. Юхо в адрес марксизма, признавшего и подтвердившего термин «племя». Однако принятие данного термина было вполне естественным в связи с расширяющимися антропологическими и этнографическими исследованиями первобытных (архаических) обществ. Маркс и Энгельс высоко оценили книгу американского этнографа Л. Г. Моргана (1818–1881) «Древнее общество», посвященную анализу истории и культуры индейцев-ирокезов, находившихся на догосударственной (родоплеменной) стадии развития. Он раскрыл роль этнических движущих сил

в прогрессе человечества. Марксизм сделал ставку на классовый подход в ущерб этническому. Но абсолютизация классового подхода, как и интернационального долга (в Афганистане и других странах), были не до конца проработаны теоретически и плохо обоснованы концептуально. Однако в советское время, руководствуясь такими генерализованными, неконкретизированными установками, академик Ю. В. Бромлей (1921–1990) и его ученики утверждали, что «такого явления, как “этнос”, в СССР нет вообще и, возможно, его нет в принципе на современной стадии развития общественных отношений в капиталистических и тем более социалистических странах» [1, с. 11]. Но ведь очевидно, что есть семья как этническая ячейка общества, есть род как сплоченная группа родственников, есть кланы как квазиэтнические образования, выросшие во многих развитых странах на базе прежних племен. Япония, например, вместо того чтобы бороться с nepотизмом (кумовством, родственностью, этнодинастиями и т. д.) на производстве, как учили классики управления Г. Форд, Ф. Тейлор и др., стала создавать компании на основе кланов, т. е. родственных патрилинейных групп. Это дало большой эффект и преимущества в конкурентной борьбе, поскольку родственные связи между работниками автоматически обеспечивают высокое доверие, взаимоконтроль, дисциплину и ответственность, повышают корпоративную культуру, формируют гордость за свою компанию и местный патриотизм.

К сожалению, вопреки отказу некоторых ученых и политиков от этноса, а также всеобщей тенденции к полиэтничности (многонациональности), есть страны, стремящиеся к созданию на своей территории единой моноэтнической общности и прилагающие для того невероятные усилия. Сегодня в числе таких немногих стран особенно выделяется Украина.

Наши этнонимы (этнические имена) – Беларусь, белорусскость, белорус, и др. – образованы от названия края – Белая Русь. Это сегодня сомнения не вызывает. Правда, существуют разные мнения относительно того, как необходимо дешифровать оба эти термина, иначе говоря, почему «Русь» и почему именно «Белая»? Известный русский этнограф Л. Н. Гумилев (1912–1992) отмечал, что славяне не были аборигенами Восточной Европы, эту территорию уже заселяли россы, или русы, – этнос по топонимике скорее не славянский, а германоязычный. С россами славяне сошлись мирно (места всем хватало) и постепенно их ассимилировали. Один из летописцев в X в. писал: «Греки зовут *Rossos* тот народ, который мы зовем *Nordmannos* (северные люди. – С. Ш.) – по месту жительства», – и помещал этот народ рядом с печенегами и хазарами на юге Руси [9, с. 12]. Славяне приняли это имя и сохранили его как свой этноним – Русь. На территории Беларуси каких-либо остатков языка россов, кажется, не обнаружено. Но, может быть, прав А. Дударев,

включивший легенду о них в свой фильм «Белые россы». Согласно ей, такие люди были, а белыми их назвали за их достойные восхищения потомков личностные качества. Термин «Русь» быстро распространился, появились названия Киевская Русь, Галицкая, Червонная, Великая, Малая, Черная и Белая Русь. Эпитет «белая» точнее других объяснил Довнар-Запольский, понимая его как «вольная», «свободная». Он пишет: «Действительно, в древнейшем русском языке слово “белый” имело такое значение, тогда как слово “черный” имело значение, указывающее на обложение податью по принуждению» [2, с. 15] (переносный смысл сохраняется в таких названиях, как Белый дом, т. е. главный, Красная площадь – лучшая, красивая, и др.).

С древних времен белорусские земли, за исключением небольшого юго-западного участка, были свободны и независимы. Они успешно сопротивлялись попыткам аннексии, экспансии со стороны киевских князей (Олега, Владимира и др.), позже – немецких орденов крестоносцев, избежали татаро-монгольского ига, окатоличивания и колонизации в составе Речи Посполитой. Население ВКЛ в XIV в. на 80 % состояло из этнических белорусов [3, с. 21].

Во времена Великого княжества Литовского Белая Русь не только сохранила свою самостоятельность, избежала обложения податями по принуждению, но и приобрела доминирующее положение в конфедерации с Литвой: белорусский язык стал языком государственных статуты, законов и подзаконных актов, этнические белорусы выдвинулись на ключевые воинские и гражданские должности, дворянская элита заняла ведущие позиции в экономике, финансах и других отраслях народного хозяйства, в культуре и искусстве.

Черной Русью тогда называли те территории, которые находились в зависимом, подневольном состоянии, выплачивали дань своим соседям. Таковыми были Новогрудок и Гродно с окрестностями. Но вскоре такое название потеряло, как пишет М. В. Довнар-Запольский, всякое значение, и «народ усвоил себе также наименование белорусов» [2, с. 16]. Надо заметить, что этнические термины бывают как автонимами (самоназвания), так и экзонимами (внешние имена). Этимология этих терминов показывает, что автоним является внутренним продуктом того сообщества, которое именуется, он рождается спонтанно как феномен общественного сознания, народного мнения. Даже если имя предлагалось конкретным лицом, его авторство не сохранялось, ибо оно могло прижиться лишь будучи легитимированным (поддержанным самой общностью, народом). Возьмем, к примеру, Францию: римляне называли эту территорию Галлией, позже здесь возникло Франкское королевство, и хотя номинально название «Франция» существовало, но страны такой не было. Ее графства и герцогства, такие как Бургундия, Нормандия (образована викингами), Шам-

пань, Прованс, Гасконь и др., населяли более десяти самостоятельных этносов, тщательно оберегавших свои этнические особенности. И только Генрих IV Бурбон (1593–1610) стал первым, кто назвал себя королем Франции (все его предшественники носили титул королей франков). Укрепив государство, он дал народу (всем этносам) статус граждан и национальность французов. Все эти политические преобразования, естественно, легитимировались общественным мнением населения страны.

Что касается терминов-экзонимов, то они приходят извне, как правило от ученых, политиков, религиозных деятелей, купцов и дипломатов из других, более «продвинутых» стран или от ближайших соседей. Так, названия двух племен наших далеких предков являются автонимами. Дреговичи – от слова «дрегва» (бел. *дрыгва*): так называли себя те, кто занял северный ареал р. Припять, по местности (болота, трясына). Радимичами называли себя потомки Радима, по легенде Начальной летописи, одного из двух братьев, пришедших с запада из ляхского славянского племени, который и стал родоначальником радимичей, поселившихся на р. Сож. (Второй брат – Вятко – основал на р. Оке племя вятичей.) Название племени кривичей, по гипотезе М. В. Довнар-Запольского, является заимствованным, чужим, «так они себя никогда не называли», и славянская этимология этого названия не обнаружила. Автор считает, что имя «кривичи» произошло от литовского слова *Krievi*, обозначающего топь, трясины. Литовцы так называли дреговичей, просто переведя это слово на свой язык. Оно стало собственным именем племени, после того как кривичи проникли на территории великорусских племен – на Оку, Волгу, в Новгородские и Псковские земли, постепенно смешались с местными народами и ассимилировались ими.

Термины «Белая Русь» и «белорус» также экзонимы, они заимствованы из зарубежных источников. С возникновением ВКЛ эти термины стали употреблять великие князья для отличия титульного этноса от литовских племен – жмуди, ятвягов и др., а также от поляков, ставших католиками. Но в народе возник новый автоним – «литвин». Это имя приобрело широкое распространение, хотя оставалось неформальным, и вошло даже в книжный язык. В Московском государстве Белой Русью стали называть земли, которые остались не покоренными татаро-монголами – в основном северная и северо-восточная часть страны. В таком значении термин «Белая Русь» закрепился в титуле государей: «князь Великой, Белой и Малой Руси».

Термин *Russia Alba* – латинизированное название Белой Руси – вошел в европейские языки много веков тому назад. Тобиас Майер составил географическую карту этих земель. На ней представлены такие географические объекты, как Полесье, Налибокская пуща, а также реки (Неман, Припять, Двина и др.), многие города современной

Беларуси (Брест, Гродно, Лида, Пинск, Туров, Мозырь, Минск, Полоцк, Молодечно и др.).

В русском языке долгое время сохранялось неоднозначное толкование термина «Белая Русь». Так, Т. С. Георгиева, рассказывая о князе Андрее Боголюбском, основателе Владимирского княжества, приводит его слова: «Я Белую Русь городами и селами застроил и многолюдною сделал», – и поясняет, что «Белой Русью тогда назывались места, где выпадало много снега» [9, с. 43]. Думается, что такое простое объяснение вряд ли мог иметь в виду русский князь. Интересно, что Н. М. Карамзин приводит слова В. И. Даля о кумире Перуна: «В Великой Руси осталось мало следов этого бога грома и молний, грозы. В Белоруссии более, там его описывают: это высокий, плечистый головач, черноволос, черноглаз, борода золотая, в правой руке лук, в левой колчан со стрелами, он ездит по небу в колеснице, пускает огненные стрелы» [10, с. 133]. Стало быть, Даль, как и Карамзин, знает *Белоруссию* как особую землю, пусть и в составе Российской империи.

Отметим противоречие, связанное с хронологией (датировкой и последовательностью дат) наиболее значимых событий и явлений в жизни разных стран и народов. Так случилось, что в исторической науке издавна сложилась тенденция ставить на первое место государство, описывать его устройство, войны и революции, деятельность его руководителей – князей, королей, царей, фараонов, гетманов и т. д. Такой материал о прошедших событиях более доступен, чем этнографический (об образе жизни людей, населяющих государство). Он сохраняется в различных хрониках, дипломатических документах, на каменных скрижалях в виде высеченных заповедей и легче поддается интерпретации по логике обратной связи: от следствия (современное состояние) к возможным основаниям, причинам в прошлом. Тем самым проблема этногенеза отходит на задний план: трансформации этноса уделяется крайне мало внимания. Например, в знаменитой книге Н. М. Карамзина «История государства Российского» в 12 томах, охватывающей период только до Смутного времени 1612 г., догосударственному времени уделено лишь 46 страниц, в первом томе. Здесь бегло сказано о характере, быте, вере, языке славянского этноса, одного из главных (титульных) для будущего государства. Все остальные тома посвящены анализу деятельности великих князей и царей (начиная с Ивана Грозного). Этот перекося в некоторой степени поправлен в лекциях В. О. Ключевского. В научно-популярной книге белорусских авторов И. И. Ковкеля и Э. С. Ярмусика «История Беларуси с древнейших времен до нашего времени» догосударственному периоду отведено 18 страниц, около 3 % всего объема текста. Таких примеров можно приводить много. Не вдаваясь в историю политических учений о происхождении государства, в которых особенно выделяются

теории общественного договора Ж.-Ж. Руссо и классового неравенства и борьбы классов марксизма, отметим лишь следующее.

Подавляющее большинство существующих сегодня 215 государств, как и тех, которые уже сошли с земной арены и растворились в истории (Вавилон, Ассирия, Мидия, Хазария и др.), возникли естественным путем, т. е. на основе этноса или консолидации этносов. Этническая общность – это народонаселение, начиная от семьи, рода, родовой и соседской общины, племени, до союза племен, который представлял собой протогосударственный организм, от которого до подлинного государства дистанция невелика, и она легко преодолевается при благоприятных условиях. И сегодня в мире есть этнические общности, которые активно добиваются своего суверенитета, стремясь стать независимыми и самостоятельными странами, государствами.

Второй путь искусственный, он осуществляется заселением некоторой территории выходцами из разных этносов, из которых формируется постепенно, в процессе ассимиляции, единая народность и нация. Так поступил римский император Константин Великий, создав на окраинах своей империи новое государство – Византию – в 327 г. Вслед за императором сюда переселилась часть римской знати со своей обслугой, позже – выходцы из ближних и дальних стран, приобретающих здесь жилье, получавших работу или службу, гражданство византийцев. В современной истории самый яркий пример искусственного, хотя и полустихийного создания государства показали США. На территорию Америки переселялись выходцы из разных стран мира: пилигримы, кочевники-номады, протестанты, сбегавшие от инквизиции еретики, преступники, патриоты (как Т. Кастюшко) богатые рабовладельцы, авантюристы и т. д. Перемалывая, переплавляя в «плавильном тигле» все это разнообразие этносов, бывшие английские колонии смогли победить метрополию и поддерживающие ее многие племена индейцев, а также немецких и других наемников, правда, не без сильной помощи со стороны Франции, России и некоторых других стран, и создать свое независимое государство, сформировать новую американскую нацию. Но в современных условиях этот пример повторить вряд ли кому-нибудь удалось бы.

Такой путь образования государства позволяет почти точно датировать время его возникновения и существования. Так, США обрели суверенитет как самостоятельное государство со дня принятия конгрессом Декларации независимости 4 июля 1776 г., и их история на сегодня составляет 243 года. Созданная Константином Византийская империя просуществовала более тысячи лет, до 1453 г., когда ее захватили турки-османы. Она оставила миру православную религию, многие технологии (например, шелковое дело – благодаря выкраденным у Китая

двумя монахами коконам шелкопряда), редкие архитектурные памятники (как Софийский собор, превращенный мусульманами в знаменитую мечеть), а также различные культурные ценности в области литературы, искусства и науки.

Российское государство возникло в 862 г., когда княжить в Новгороде был приглашен Рюрик. Наследственная династия Рюриковичей продлилась 736 лет, пока, подорванная Иваном Грозным, не сменилась царствованием Бориса Годунова, Смутным временем и, наконец, в 1613 г. – устойчивой династией Романовых. Обратим внимание, что начало российской государственности определялось историками по материалам летописей, наибольший вклад в эту реконструкцию внес Н. М. Карамзин (1766–1826). Но этнос уже существовал: основу его составляли кривичи, а также примкнувшие к ним без насилия финские племена – весь, чудь, угры и др. Вот как описывает эту ситуацию Н. М. Карамзин: «Рюрик прибыл в Новгород, Синеус на Белоозеро в область финского народа веси, а Трувор в Изборск, город кривичей. Смоленск, населенный также кривичами, и самый Полоцк оставались еще независимыми и не имели участия в призвании варягов» [10, с. 63].

Причину обращения славян к Рюрику летописец Нестор описывал так: «Земля наша велика и обильна, а порядка в ней нет: идите княжить и владеть нами» (по легенде, эти слова принадлежат новгородскому старейшине Гостомыслу). Отсутствие порядка объяснялось раздробленностью земли на мелкие области, что объективно провоцировало распри, конфликты и войны. Н. М. Карамзин пишет: «Отечество наше слабое, раздробленное на мелкие области до 862 г., по летоисчислению Нестора, обязано величием своим счастливому введению монархической власти» [10, с. 62]. Эта мысль легла в основу «охранительной идеологии», сторонники которой (М. Щербатов, К. Ковелин) абсолютизировали самодержавие и всячески защищали и возвеличивали его роль в истории России. Н. М. Карамзин не мог познакомиться с республиканскими и конституционными проектами декабристов Н. М. Муравьева и П. И. Пестеля, тем более с «Философическими письмами» П. Я. Чаадаева, первое из которых было опубликовано в 1836 г., десять лет спустя после его ухода из жизни, в журнале «Телескоп», но история доказала ошибочность его монархических взглядов для будущего России. Но относительно начала политгенеза Н. М. Карамзин был прав, поскольку становление такого мощного и обширного государства, как Россия, было бы невозможно без сильной, централизованной власти – авторитаризма или монархии.

Отказываясь от этносоциологического анализа древних славян, трудно понять причины разногласий между Киевской Русью и Полоцким княжеством, выразившихся не просто в «споре славян

между собой», как оценивал Пушкин конфликт России с Польшей, а приведших к грандиозной по тем временам битве на Немиге в 1067 г. В знаменитом «Слове о полку Игореве», которое К. Маркс оценил как «призыв к единению перед нашествием татаров», сказано: «На Немиге снопы стелят головами, молотят стальными цепями, на току жизнь кладут, веют душу из тела» (цит. по: [2, с. 37]). Чем же вызвано было такое побоище?

Согласно Начальной летописи, Киевская Русь как первое восточнославянское государство было основано Рюриковичами (Рюрик, Олег, Игорь, Ольга и т. д.). Даже если бы легендарные Дир и Аскольд были, как пишет Т. С. Георгиева, «прямые потомки Кия, а вовсе не сбежавшие от Рюрика конунги» [9, с. 14], это не меняет ситуацию. Ведь украинские историки считают, что Киеву более 1500 лет, значит, Дир и Аскольд жили спустя 300 лет после своего предка Кия, и сохранить родословную в то время было просто невыносимо. А оставшаяся в сказаниях и песнях народная память вовсе не обязательно связана с преемственностью.

Важно отметить, что белорусские племена присоединились к возникшему государству добровольно. Они участвовали в совместных походах на Царьград, в битвах с кочевниками (торками) – о чем напоминает Изяславу на допросе находящийся с сыновьями в киевской тюрьме полоцкий князь Всеслав, захваченный в плен обманом, с нарушением клятвы. Киевский князь парирует: «А зачем вы рушите Новгородскую и Псковскую земли?» В этом суть распри и военного конфликта. Киевские князья считают эти земли своими – по наследству от первого новгородского князя Рюрика. Но Полоцк, по словам Н. М. Карамзина, не имел отношения к приглашению Рюрика, к тому же эти земли оставались вечевыми республиками (вплоть до XVI в., пока не были разгромлены Иваном Грозным). Аргументы полочан были этническими. Они ссылались на то, что эти земли были впервые освоены и заселены кривичами, которые смешались с финно-угорскими племенами и ассимилировались. Под Псковом кривичи построили г. Изборск. Следовательно, по этническому критерию, который и сегодня является приоритетным в разграничении территорий (вспомним о возвращении крымских татар и другие примеры), претензии по-

лоцких кривичей были весомее аргументов киевских князей. Но последние предпочли решить этот спор силой.

Второй причиной распада Руси явилась «удельщина». Великие киевские князья раздавали уделы своим близким родичам (братьям, сыновьям и др.), которые также стремились к независимости. В результате великий князь лишь номинально оставался главой государства, но реально он уже не владел розданными уделами. Эту ситуацию характерно описал А. К. Толстой (1817–1875), соавтор, наряду с братьями Жемчужниковыми, знаменитого Козьмы Прутков. Говоря о деятельности Великого Ярослава в поэме «История государства Российского от Гостымысла до Тимашева», он отмечает:

Но из любви он к детям
Всю Землю разделил.
Плоха была услуга,
А дети, видя то,
Давай тузить друг друга:

Кто как и чем во что!
Узнали то татары
«Ну, – думают, – не трусь!»,
Надели шаровары,
Приехали на Русь (цит по: [9, с. 326]).

И третья причина – это перекрытие кочевниками-половцами и турками-сельджиками торговых путей, что значительно ослабило транзитное значение Киева. В это же время на северо-востоке от Киева началось формирование нового княжества со столицей в Суздале. Позже Андрей Боголюбский (правил в 1157–1174 гг.) перенес столицу во Владимир, поскольку не мог стерпеть ограничения княжеского самовластия со стороны вече, которого во Владимире не было. Он же в 1169 г. штурмом взял Киев и разорил его, подорвав окончательно величие Киевской Руси. Владимиро-Суздальское княжество в этническом плане создали вятичи и кривичи, к союзу которых присоединялись многие северные племена, а также беженцы с южных земель, постепенно ассимилировавшиеся в новой среде и органически вошедшие в единый тогда русский этнос (народ). Этот этнос и образовал основу Московского государства – Великой России.

Полиэтническая идентичность и консолидация белорусского народа в контексте исторической памяти

В социологии под идентичностью (лат. *identitas* – тождество, сходство, подобие) понимается принадлежность людей к той или иной категории, социальной группе, общности. Признаки (критерии), по которым определяется принадлежность, могут быть двоякого рода: 1) аскриптивные (врожденные, унаследованные); 2) достижительные. К пер-

вым относятся пол, возраст, место постоянного жительства (город, село), раса; в кастовом обществе – касты; в сословном – унаследованные титулы: граф, князь, маркиз и т. д. Ко вторым – все достигнутое человеком в процессе его жизнедеятельности (как *selfmademan* – человек, сделавший себя): звания, степени, классы, ранги, статусные отличия и т. д.

Аскриптивную принадлежность можно определить автоматически, по данным статистики, достижительная принадлежность, как правило, определяется субъективным выбором. Человек сам решает, к какой референтной группе он хотел бы принадлежать, на кого быть похожим, в какую общность *мы*, отличную от общности *они*, входить.

В этногенезе издавна противоборствуют две тенденции – полиэтническая и моноэтническая. В полиэтническом обществе доминирующим, по крайней мере в теории, признается дух демократизма и эгалитаризма этнических отношений. Поскольку в полиэтническом обществе все этносы равны и равноправны, а большие по численности этносы не имеют каких-либо преимуществ или привилегий, то этническая принадлежность выражает не политико-правовой статус, а только особенности культурного, национального и исторического контекста данной этнической группы. Как отметил Президент Республики Беларусь А. Г. Лукашенко, армяне, живущие в Беларуси, являются неотъемлемой частью нашего народа². В моноэтническом обществе господствует дух этнократии (букв. – власть этноса). Оно стремится вытеснить иноязычные этносы, заменить их представителей в органах власти, науке, образовании и других областях своими автохтонами, невзирая даже на отсутствие у многих из них соответствующих компетенций.

Белорусский этнос изначально формировался как открытый, дружелюбный, гостеприимный, готовый к сожительству, взаимопомощи, коллективизму, «талаке». Наши предки добровольно впустили на свою этническую территорию литовское племя ятвягов. Еще в XIV в. приняли евреев, татар, мирных поляков, беглых из Московского княжества, таких как Андрей Курбский, разрешили строить храмы и исповедовать свою веру католикам и протестантам, основать учебные заведения иезуитам, позволили социанам создать в г. Ракове свой центр и т. д. Великое княжество Литовское можно считать образцом конфедерации, даже сегодня, в отличие от Бенилюкса (Бельгия – Нидерланды – Люксембург) и других подобных попыток.

Социологический анализ этногенеза – происхождения народов, а также многих явлений, связанных с ним и производных от него, предполагает прежде всего выявление особенностей двух противоборствующих методологических подходов – реализма и номинализма. Социологический реализм принимает за основу исторического бытия людей все общество как единую целостность и его отдельные институты (семья, государство, собственность и др.), не зависящие от действующих здесь и сейчас индивидов. Социологический номинализм, на-

оборот, считает, что общество и его институты создаются этими индивидами, которые и являются подлинными субъектами социальной реальности *Dasain* (в пер. с нем. – здесь и сейчас). Эти подходы имеют свои канонические постулаты: у реалистов – это тезис «в общественной жизни ничего нет менее постоянного (устойчивого), чем сами люди», у номиналистов – «нет людей – нет общества».

Обращаясь к проблематике этногенеза, к проявлениям феномена этничности, в повседневной жизни современный человек руководствуется – целенаправленно или спорадически (от случая к случаю) – двумя представлениями (идеями): во-первых, трехмодальной структурой времени – прошлым, настоящим, будущим; во-вторых, неразрывной связью времен как предназначением и предметом истории. Трехмодальное время – довольно позднее «изобретение» (осознание, понимание) человека. Первобытную эпоху называют доисторией, хотя палеоантропология пытается проследить все 3 млн лет превращения приматов в человека – *homo sapiens*. Этот период действительно доисторичен, поскольку люди, по словам М. Элиаде, «преследуют одну цель – аннулировать истекшее время, отменить историю посредством возвращения во время оно, посредством повторения космогонического акта» [11, с. 88]. Этот процесс осуществлялся путем ритуала как обрядовой церемонии, в которой воспроизводилось прошлое, превращаясь в настоящее. Сама жизнь, все действия людей подразделялись на две части: профанную (рутинную) и сакральную (священную), при этом вторая понималась как неограниченно обратимая, повторяемая до бесконечности, но остающаяся одной и той же во времени. Эта проблема весьма детально рассматривается и в работе белорусского исследователя концепции Элиаде Н. А. Никонович [12].

Принято считать, что собственно история начинается около 5 тыс. лет тому назад. К. Ясперс связывал начало истории с появлением письменности. «Письменные источники, – писал он, – нигде не датируются ранее 3 тыс. до н. э., следовательно, история длится около 5000 лет» [13, с. 56].

Вместе с историей появляется трехмодальное историческое время, становится возможной и приобретает свои права историческая память, что позволяет индивидам заметить, понять и принять объективную связь времен, а значит, консолидироваться в единую целостность, называемую обществом в самом широком смысле, – человечеством. Историческая память – это способность воспроизводить (вспоминать) прошлое, пусть даже и очень далекое, т. е. события, факты, персоналии, конфликты и возможные пертурбации, имевшие ме-

²Лукашенко: политика Беларуси в отношении Армении никогда не изменится, мы всегда будем братьями [Электронный ресурс] // БелТА. URL: <https://www.belta.by/president/view/lukashenko-politika-belarusi-v-otnoshenii-armenii-nikogda-ne-izmenitsja-my-vsegda-budem-bratjami-363965-2019/> (дата обращения: 30.09.2019).

сто в истории с позиций их полноты, адекватности и правды. Изучение данного вида памяти со всей убедительностью доказывает преимущества методологии реализма и вместе с тем выявляет просчеты номинализма. Действительно, отдельный человек, сколь бы ни была богатой, длительной и прочной его индивидуальная память, как, например, у известного мнемониста С. Шершевского, не может выйти за пределы своей личной когнитивной сферы: запоминать то, чего он не слышал, не видел, не воспринимал вообще. Это под силу только всему обществу. К его памяти вполне применима и уместна следующая характеристика И. Канта: «Память отличается от чисто репродуктивного воображения тем, что она способна произвольно (т. е. по своему усмотрению. – С. III.) воспроизводить прежнее представление, что душа, следовательно, не есть только игра воображения» [14, с. 419]. Историческая память отличается рядом атрибутивных признаков, некоторые из которых мы хотим отметить.

1. Архетипичность. Термин «архетип» (от греч. *arche* – начало, *typos* – образ), т. е. прообраз, прототип, исходная идея, был введен древнегреческими философами, но особую интерпретацию и мнемический смысл ему придал К. Юнг (1875–1961). В аналитической психологии Юнга архетип – основной элемент коллективного бессознательного, представляющего собой хранилище латентных следов памяти не одного индивида, а всех людей, проживавших вместе в подобных условиях и переживавших типичные ситуации. Это мысли и чувства, *одинаковые* у всех людей в силу их общего эмоционального прошлого.

Архетипы побуждают к ретроспективному анализу, возврату в историю самых далеких пращуров – архантропов и палеоантропов. Если верно, что коллективное бессознательное fasciniрует (по Канту – пробуждает, усиливает воображение), то можно попытаться представить, например, чем был первый огонь для далеких предков, какое влияние он оказал на их мозг и психику и почему нас так гипнотизирует ночной костер в лесу. Как нам понять и оценить, какие следы в их мнемонике (искусстве запоминания) и интеллекте оставило преодоление таких явлений, как антропофагия (канибализм), промискуитет, бессеркизм (приступ агрессии) и т. д., или введение экзогамии как «главной социальной инновации верхнего палеолита» [15, с. 179], линейного родства, тотема и табу, запрета на инцест, регуляция брака, появление рода и семьи и т. д. Такие события не могли не запечатлеться (импринтинг), сохраняться и транслироваться как некоторые образы-символы. Не будь этого, трудно представить единство и целостность глобального социетального общества (человечества), сохраняющегося столь длительное время, несмотря на множество природных катаклизмов, гибель многих

государств, войны и революции, кризисы и депрессии, иные перипетии.

Теория архетипов приобрела большую популярность, особенно в области искусства, но они являются не столько врожденными, сколько идеями духовной связи людей и социального наследования, т. е. единства и преемственности поколений на основе исторической памяти.

2. Инклюзивность. В теоретической социологии термин «инклюзия» применяется относительно мобильности людей. Он означает включение через признание (у Парсонса часто понимается как обретение членства, гражданства), достижительность статуса. Например, по табели о рангах Петра I, доктор наук, профессор или офицер в чине полковника приобретали дворянское звание. По мнению Никласа Лумана (1927–1998), «инклюзия существует лишь тогда, когда возможна эксклюзия», т. е. исключение, изгнание, вытеснение. Он пишет: «Если в области инклюзии люди считаются личностями, то представляется, что в области эксклюзии речь идет чуть ли не только об их телах» [16, с. 47]. В исторической памяти под инклюзией можно понимать признание народом событий и персоналий прошлого как имеющих позитивное значение для сохранения и развития общества.

3. Реперность и селективность отбора. Историческая память крайне избирательна, она аккумулирует свой материал по некоторым реперным (опорным) точкам, критериям отбора, устойчивым в общественном сознании. Она сохраняет те исторические события, явления, личности, которые внесли и вносят свой вклад в консолидацию, сплоченность и единение общества, сохранение его целостности и независимости, поддержание стабильности, устойчивости развития, порядка и безопасности, предавая забвению все то, что этому противоречит, а также тех, кто не мог или не хотел, колебался или по конъюнктурным мотивам отклонялся от этой линии.

Из памятных событий далекого прошлого белорусского этноса можно отметить такие, как победа Всеслава Чародея над половцами, идущими на Киев, во время его княжества в Киевском государстве; разгром татар на Синих Водах в 1363 г., за 17 лет до Куликовской битвы, что поспособствовало победе Дмитрия Донского. Особенно выделяется вошедшая в историю и в память народа Грюнвальдская битва против Тевтонского ордена. Нельзя не отметить, что удивление вызывает следующий текст в дайджесте «Всемирной истории»: «Поляки громят Тевтонский орден под Грюнвальдом» [17, с. 730]. Оказывается, английским историкам до сих пор не известно, что в той битве против тевтонцев воевали войска ВКЛ, Польши, отдельные полки некоторых русских княжеств.

Из ближнего прошлого память хранит события и героев Великой Отечественной войны, и с осо-

бой эмоциональностью – наш День Победы, освобождение Беларуси. Историческая память бережно хранит имена многих выдающихся людей, деятельность которых соответствует реперным критериям. В их числе Рогнеда, Всеслав Чародей, Ефросинья Полоцкая, Кирилл Туровский, князь Витовт, Николай Гусовский, Франциск Скорина, Винцент Дунин-Марцинкевич, Франтишек Богушевич, Кастусь Калиновский, Максим Богданович, Янка Купала, Якуб Колас, Василь Быков, Максим Танк, Сапег, Радзивиллы, Войниловичи и другие шляхетские роды, белорусские космонавты, Петр Машеров, Андрей Громыко, Кирилл Мазуров и многие-многие другие. Конечно, преданы забвению князь Ягайло и его род, Михаил Глинский и другие перебежчики, все коллаборационисты, сознательно ставшие на службу гитлеровскому режиму в период оккупации белорусской территории. Забыт уже и бывший глава государства Николай Слюньков, проявивший в первые годы катастрофы на ЧАЭС растерянность и беспринципность, поддержав линию союзного руководства на сокрытие информации об аварии и отказ от мер по защите населения, особенно детей (йодной профилактики и др.), заявивший позже, что союзная помощь по преодолению последствий аварии «нам не нужна, Беларусь справится сама». А ведь наша страна до сих пор прилагает усилия, тратит немалые средства на реализацию данной программы.

Важно учитывать, что историческая память есть связь времен и ее нельзя сводить только к воспоминаниям о прошлом, – на это обращали внимание многие мыслители. Так, И. Кант писал: «Она служит для соединения восприятий *во времени*, для того чтобы то, чего уже нет, соединить в связном опыте с тем, чего еще нет, посредством того, что *существует в настоящее время*» [14, с. 419]. Эту же мысль по своему представил известный французский философ и социолог Реймон Арон (1905–1983): «Речь идет не о том, чтобы описать ухронию, но о том, чтобы вычленив рассказ о становлении, обрисовать различные эволюции, их пересечения и их связи, воссоздать в прошлом признаки политической реальности, пережитые в настоящее время» [18, с. 359]. Поясним, что ухрония – время, которого нет (по аналогии с утопией как местом, которого нет), автор имеет в виду описание событий вневременной последовательности.

Применяя логику Р. Арона к настоящему времени, следует подчеркнуть, что политическая реальность современной Беларуси характеризуется государственным суверенитетом, стабильностью, устойчивым развитием, общественным порядком, безопасностью, полиэтничностью и консолидированностью общества. Если попытаться найти (воссоздать) признаки нынешнего состояния в прошлом, то придется признать, что исторический путь к современной реальности был далеко не простым.

Народонаселение современной Беларуси представляет собой единую, высокотолерантную общность, в которой все входящие в нее национальные группы (этноты) имеют одинаковые конституционные права и равные возможности; понятие «меньшинство» если и употребляется, то только в демографическом значении, как меньшее по численности, но не социально-политическом или правовом смысле. По переписи 2009 г., в общей численности населения Беларуси, равной 9 503 807 человек, белорусы составили 83,7 %, русские – 8,26, поляки – 3,09, украинцы – 1,67, евреи – 0,13, армяне – 0,08, татары – 0,07, цыгане – 0,07 %, а также в ней отмечены азербайджанцы, литовцы, молдаване, латыши, арабы и другие малочисленные группы [19, с. 7]. Важно учитывать, что эти сведения представлены не на основе учетных данных (паспорта или метрики), а по ответам на вопрос о самоидентичности. Мы видим, что по сравнению с переписями населения в советское время значительно (почти на 4 %) возросло число белорусов, что можно объяснить большей долей новых, выросших при суверенной стране поколений, а также тем, что некоторые представители старших поколений восстановили свою идентичность. Предстоящая очередная перепись населения 2019 г., конечно, внесет некоторые уточнения в приведенные данные, но общую тенденцию она не изменит.

Известно, что белорусский этнос возник от смешения и слияния трех близких племен: дреговичей, кривичей и радимичей. М. В. Довнар-Запольский отмечал: «Белорусское племя, хотя в глубокой древности делилось на три ветви или даже на две (автор считал кривичей частью дреговичского племени, ушедших на северо-восток с начального его обитания на берегу р. Припять. – С. Ш.), испокон жило в указанной местности и по происхождению своему отличалось от других русских племен» [2, с. 24]. Он видит в ней «наибольшую чистоту славянского типа», поскольку никакие народы никогда ее не занимали, и белорусы, в отличие от великороссов и украинцев, не знали ни смешения, ни ассимиляций с кем-либо.

Белорусский этнос возник не позже принятия христианства восточными славянами. Даже если исходить из принятой в исторической хронологии датировки «по первому упоминанию в летописи», то можно отметить годы возникновения многих наших городов: Полоцка (862), Витебска (947), Турова (980), Заславя (985), Друцка (1001), Волковыска (1005), Бреста (1017). Но город невозможен без людей, а люди всегда объединены в этноты, из которых складывается народ, пусть и не в форме государства, а только потестарной организации, обеспечивающей совместную жизнь людей, их общежитие. Следовательно, прав профессор И. А. Марзалюк: мы можем отмечать тысячелетие возникновения белорусскости, белорусского этноса, народа, белорусских городов и княжеств.

Библиографические ссылки

1. Дугин АГ. *Этносоциология*. Мелентьева НВ, редактор. Москва: Академический Проект; 2011. 635 с.
2. Довнар-Запольский МВ. *История Белоруссии*. Минск: Беларусь; 2005. 680 с.
3. Ковкель ИИ, Ярмусик ЭС. *История Беларуси с древнейших времен до нашего времени*. Минск: Аверсэв; 2000. 592 с.
4. Ключевский ВО. *Русская история. Полный курс лекций. Книга первая*. Ростов-на-Дону: Феникс; 1998. 608 с.
5. Карпович О. Край Эльдорадо. Интервью с профессором И. А. Юхо. *Свободные новости плюс*. 2002, 3 октября.
6. Чукоўская ЛК. Прадмова. У: Міклуха-Маклай ММ. *Падарожжы*. Мікульскі А, перакладчык. Мінск: Дзяржаўнае вучэбна-педагагічнае выдавецтва БССР; 1954. 345 с.
7. Путилов БН. Н. Н. Миклухо-Маклай. *Путешественник, ученый, гуманист*. Тумаркин ДД, редактор. Москва: Прогресс; 1985. 280 с.
8. Смелзер Н. *Социология*. Ядов ВА, редактор. Москва: Феникс; 1994. 688 с.
9. Георгиева ТС. *Русская культура. История и современность*. Москва: Юрайт; 2000. 576 с.
10. Карамзин НМ. *История государства Российского. Том 5*. Сахаров АН, редактор. Москва: Наука; 1993. 555 с.
11. Элиаде М. *Космос и история*. Васильева АА, Рокитянский ВР, Борисова ЕГ, переводчики. Москва: Прогресс; 1987. 312 с.
12. Никонович НА. *Теоретический анализ философии мифа М. Элиаде: основные идеи и когнитивный потенциал*. Минск: Беларуская навука; 2018. 151 с.
13. Ясперс К. *Смысл и назначение истории*. Левина МИ, переводчик. Москва: Политическая литература; 1991. 527 с.
14. Кант И. *Сочинения. Том 6*. Асмус ВФ, Гулыга АВ, Ойзерман ТИ, редакторы. Москва: Мысль; 1966. 743 с.
15. Шкуратов ВА. *Историческая психология*. Москва: Смысл; 1997. 505 с.
16. Луман Н. *Дифференциация*. Скуратов Б, переводчик. Москва: Логос; 2006. 317 с.
17. Ярошенко Н, редактор. *Всемирная история: люди, события, даты*. Москва: Издательский Дом Ридерз Дайджест; 2001. 752 с.
18. Арон Р. *Избранное. Введение в философию истории*. Гобозов ИА, переводчик. Москва: ПЕР СЭ; 2000. 543 с. Совместное издание с «Университетская книга».
19. *Национальный состав населения Республики Беларусь. Перепись населения 2009. Том 3*. Минск: Национальный статистический комитет Республики Беларусь; 2011. 436 с.

References

1. Dugin AG. *Etnosotsiologiya* [Ethnosociology]. Melent'eva NV, editor. Moscow: Akademicheskii Proekt; 2011. 635 p. Russian.
2. Dovnar-Zapolsky MV. *Istoriya Belorussii* [History of Belarus]. Minsk: Belarus'; 2005. 680 p. Russian.
3. Kovkel II, Yarmusik ES. *Istoriya Belarusi s drevneishikh vremen do nashego vremeni* [History of Belarus from ancient times to modern time]. Minsk: Aversev; 2000. 592 p. Russian.
4. Klyuchevsky VO. *Russkaya istoriya. Polnyi kurs lektzii. Kniga pervaya* [Russian history. Complete course of lectures. Volume 1]. Rostov-on-Don: Feniks; 1998. 608 p. Russian.
5. Karpovich O. Edge of Eldorado. Interview with Professor I. A. Juho. *Svobodnye novosti plus*. 2002 October 3. Russian.
6. Chukovskaya LK. [Preface]. In: Miklouho-Maclay NN. *Padarozhzhzy* [Adventures]. Mikul'ski A, translator. Minsk: Dzjarzhawnae vuchebna-pedagagichnae vydavectva BSSR; 1954. 344 p. Belarusian.
7. Putilov BN. N. N. Miklouho-Maclay. *Puteshestvennik, uchenyi, humanist* [N. N. Miklouho-Maclay traveler, scientist, humanist]. Tumarkin DD, editor. Moscow: Progress; 1985. 280 p. Russian.
8. Smelser N. *Sociology*. Yadov VA, editor. Moscow: Feniks; 1994. 688 p. Russian.
9. Georgieva TS. *Russkaya kul'tura. Istoriya i sovremennost'* [Russian culture. History and modernity]. Moscow: Yurayt; 2000. 576 p. Russian.
10. Karamzin NM. *Istoriya gosudarstva Rossiiskogo. Tom 5* [History of the Russian state. Volume 5]. Sakharov AN, editor. Moscow: Nauka; 1993. 555 p. Russian.
11. Eliade M. *Kosmos i istoriya* [Space and history]. Vasil'eva AA, Rokityanskii VR, Borisova EG, translators. Moscow: Progress; 1987. 312 p. Russian.
12. Nikonovich NA. *Teoreticheskii analiz filosofii mifa M. Eliade: osnovnye idei i kognitivnyi potentsial* [Theoretical analysis of the philosophy of myth in M. Eliade's works: basic ideas and cognitive potential]. Minsk: Belaruskaja navuka; 2018. 151 p. Russian.
13. Jaspers K. *Smysl i naznachenie istorii* [Meaning of history and its purpose]. Levina MI, translator. Moscow: Politicheskaya literatura; 1991. 527 p. Russian.
14. Kant I. *Sochineniya. Tom 6* [Complete works. Volume 6]. Asmus VF, Gulyga AV, Oizerman TI, editors. Moscow: Mysl'; 1966. 743 p. Russian.
15. Shkuratov VA. *Istoricheskaya psikhologiya* [Historical psychology]. Moscow: Smysl; 1997. 505 p. Russian.
16. Luman N. *Differentsiatsiya* [Differentiation]. Skuratov B, translator. Moscow: Logos; 2006. 317 p. Russian.
17. Yaroshenko N, editor. *Vsemirnaya istoriya: lyudi, sobytiya, daty* [The world of history: people, events, dates]. Moscow: Riders Digest Publishing House; 2001. 752 p. Russian.
18. Aron R. *Izbrannoe. Vvedenie v filosofiyu istorii* [Selected works. Introduction to the philosophy of history]. Moscow: PER SE; 2000. 543 p. Co-published by the «Universitetskaya kniga». Russian.
19. *The national structure of the population of the Republic of Belarus. Census of 2009. Volume 3*. Minsk: National Statistical Committee of the Republic of Belarus; 2011. 436 p. Russian.

Статья поступила в редколлегия: 07.10.2019.
Received by editorial board: 07.10.2019.